

**Наталья
Александрова**

**ПОСЛЕДНЯЯ
ДРАМА ШЕКСПИРА**

Москва

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Читайте романы Натальи Александровой
в серии «Артефакт & Детектив»:

- Хранитель Чаши Грааля
- Клавесин Марии-Антуанетты
- Сокровища Ирода
- Завещание алхимика
- Кинжал всевластия
- Шкатулка Люцифера
- Клад Наполеона
- Тайна золота инков
- Последний ученик да Винчи
- Волшебный город
- Талисман египетской царицы
- Легенда о «Ночном дозоре»
- Венец Чингисхана
- Проклятие Осириса
- Последняя загадка Ивана Грозного
- Маска Нерона
- Медальон инквизитора
- Табакерка Робеспьера
- Дублон капитана Флинта
- Зеркало Лукреции Борджиа
- Клинок князя Дракулы
- Перстень Екатерины Великой
- Ожерелье казненной королевы
- Ларец графа Сен-Жермен
- Монета Александра Македонского
- Приворотный амулет Казановы
- Наследство Марко Поло
- Меч с берегов Валгаллы
- Звезда Ассирийского царя
- Золото Атлантиды
- Осколок Тунгусского метеорита
- Волшебный компас Колумба
- Неизвестный шедевр Рембрандта
- Амулет снежного человека
- Ключ Гермеса Трисмегиста
- Ожерелье богини Кали
- Завещание короля Балдуина
- Амулет Великого Слона
- Колокольчики династии Минь
- Золотая булава Юлия Цезаря
- Фермуар последней фрейлины
- Волшебные стрелы Робин Гуда
- Крест княгини Ольги
- Тайна тринадцати апостолов
- Перстень Ивана Грозного

- Последняя драма Шекспира
- Венец скифского царя
- Священный крест тамплиеров
- Алмаз лорда Гамильтона
- Гребень Маты Хари
- Перчатка немецкого рыцаря
- Загадка уральской Мадонны
- Часослов Бориса Годунова
- Стекланный сад
- Щит царя Леонида
- Тайна турецкого паши
- Печать Иоганна Гуттенберга
- Четки Изабеллы Кастильской
- Камея римской куртизанки
- Сокровище великого Могола
- Ладанка Жанны д'Арк
- Шумерская погремушка
- Смертельный инструмент ацтеков
- Абиссинское заклинание
- Венец царицы Тамары
- Дар царицы Савской
- Часы Зигмунда Фрейда
- Кубок королевы Розамунды
- Жезл Эхнатона
- Медальон Распутина
- Исчезнувший рог Минотавра
- Мальтийский крест Павла Первого
- Кольцо княжны Таракановой
- Тайна багрового камня
- Секрет золотой карусели
- Лорнет герцогини де Рошфор
- Лампа палладина
- Чаша Герострата
- Клинок флибустьера
- Картина черного человека
- Таинственный сосуд времени
- Поющая раковина Одиссея
- Бокал кардинала Ришелье
- Семисвечник царя Соломона

Сериал «Венецианский квартет. Крест святого Петра»

- Таинственный сапфир апостола Петра
- Магический камень апостола Петра
- Огненный рубин апостола Петра
- Священный изумруд апостола Петра

**Наталья
Александрова**

**ПОСЛЕДНЯЯ
ДРАМА ШЕКСПИРА**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Редактор серии *Л. Латышова*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46   Последняя драма Шекспира : [роман] /
Наталья Александрова. — Москва : Эксмо,
2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-231062-1

Молодому Уиллу Шекспиру сделала невероятный подарок старая ведьма, живущая в их небольшом городишке. Волшебная колода карт Таро не только раскрывала будущее, но и помогала осуществить самые несбыточные желания... Лиза всегда считала, что в их театре ничего случиться не может, он — самое безопасное на свете место. Но во время спектакля по пьесе Шекспира «Отелло» произошло несчастье. После финальной сцены актриса, игравшая роль Дездемоны, мертва по-настоящему, причем актриса эта — вовсе не Анна Коготкова, которая должна исполнять эту роль, а какая-то никому не известная девица. Коготкова же бесследно исчезла...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н. Н., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-231062-1

Театр назывался Средний драматический. Назван он в свое время был так, поскольку находился на Среднем проспекте Васильевского острова, однако злые языки поговаривали, что театр полностью соответствует своему названию — репертуар средненький, ни одной приличной постановки, выдвинутой не то что на «Золотую маску», но и на местную премию «Золотой софит». Режиссура соответствующая, и актеры так себе, собранные с бору по сосенке.

Однако в последний год пришел новый главный режиссер, который театр преобразил. Кое-кого из актеров переманил из других театров, кого-то нашел в провинции, кого-то взял прямо из Театрального института. Полностью сменили репертуар, а поскольку все хорошее быстро становится известным, то публика в театр повалила валом. Билеты были раскуплены на многие месяцы вперед, потому что театр хоть и назывался Средним, на самом деле был маленьким. В нем имелся лишь один зал, и тот небольшой, всего на сотню мест.

Ставили Чехова и Вампилова, Островского и братьев Пресняковых, и, наконец, выражаясь словами героя культового советского фильма,

Главный решил замахнуться на Вильяма нашего Шекспира. Начали, как ни странно, с «Отелло».

Спектакль уже несколько месяцев шел с аншлагом. И сегодня, судя по всему, актеры не обманут ожиданий зрителей.

Буфет в театре был, хотя и небольшой, всего несколько столиков, которые были всегда заняты. Так что две семейные пары стояли в углу с бокалами коньяка и вели беседу.

Дамы были немолоды, но достаточно ухожены и хорошо одеты. Одна слегка полноватая, с приятной улыбкой, ее светлые волосы лежали пышной волной. Вторая дама была худой и слишком сильно накрашенной, да еще и загорелой сверх меры, так что сразу становилось ясно — загорала она в солярии.

Мужчины же создавали художественный контраст — у полноватой дамы муж был высок и худ, как жердь, а у худой имел внушительный начальственный живот, и абсолютно лысая голова его лежала на плечах, как арбуз на блюде, без намека на шею.

Как водится, в антракте обсуждали спектакль.

— Ну не знаю, — тянула худая брюнетка, — мне коллега на работе очень рекомендовала, сама она прямо в восторге, а я что-то ничего такого не вижу. И эти маски...

— Это режиссерский прием, — улыбнулась полноватая блондинка, — теперь каждый старается самовыразиться как может. Вот он так видит героев Шекспира.

Действительно, идея режиссера заключалась в том, что все без исключения действующие лица были в масках. Поскольку действие пьесы происходит в Венеции, маски были самые разные — какие в Венеции носят на карнавале. А потом, хоть герои и перебрались на Кипр, маски все равно не снимали.

Отелло был в маске свирепого негра с выпуклыми красными губами, Дездемона — в маске трогательной кукольной блондинки, Яго — в маске опереточного злодея...

— Он таким образом дает актерам свободу высказаться, — вмешался худой муж полной блондинки, — они играют телом и голосом, режиссер считает, что так они смогут выразить гораздо больше, ну, когда их лица скрыты от публики.

Жена улыбнулась ему ласково и одобрительно, чувствовалось, что эти двое по-настоящему любят театр и понимают друг друга с полуслова.

— Кстати, о теле, — оживился мужчина с животом, — эта Дездемона... какая-то она неловкая. По пьесе она молода, а в жизни-то не так чтобы, хоть и в маске, и худа не в меру, простым глазом видно... Эти-то, в Венеции, небось в теле были.

Он единственный из всех пил не коньяк, а минеральную воду без газа, потому что привез жену в театр на машине, и оттого был в плохом настроении.

— Кто — Анна Коготкова? — рассмеялась блондинка. — Верно заметили, возраст у нее не для Дездемоны, к сороковнику катит. Но это же театр, у него свои законы.

— Сорок два! — безапелляционно сказала ее подруга, которая всегда была в курсе самых свежих сплетен и слухов. — И еще я слышала, что ее любовник недавно бросил, так что сейчас она находится явно не в лучшей форме.

— Все-то вы, бабы, знаете, — вздохнул живот и потянул свою жену в зал, тут как раз и звонок прозвенел.

В последнем акте драм Шекспира всегда происходит все самое интересное, кульминация, накал страстей, а потом все умирают. Ну, по крайней мере, основные персонажи. Мужчина с животом не был завзятым театралом, согласился на поход в театр только под воздействием жены. Тут попробуй не согласишься, загрызет ведь насмерть, а потом перепилит на маленькие кусочки. Ох, бабы эти...

Дело на сцене явно шло к концу, вот уже мрачный Отелло задал свой коронный вопрос:

— Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

Его безвинно оболганная жена ответила, что молилась.

— Однако, — прошептал лысый и пузатый жене на ухо, — а играет-то она теперь гораздо лучше. Опять же двигается, вон как на постели изогнулась. Какая пластика! Нет, я беру свои слова назад, выглядит эта Дездемона молодо.

— Да ей за сорок!

— Ну не знаю, не знаю...

— Да тише ты! Совершенно не умеешь себя вести в культурном месте! Мне за тебя приходится краснеть!

Отелло на сцене бурно ссорился с Дездемоной.

— Опять она про Кассио спрашивает, расстраивается по его поводу. Нет, все-таки ума у некоторых баб ну нисколько! Видишь, что мужик нервничает, ревнует — так промолчи! Нет, ей надо все выложить! За то и получила. Вон, задушил уже!

Жена ткнула его кулаком в бок и с видом мученицы подняла глаза к потолку — дескать, за какие грехи ей такой непроходимый дундук в мужья достался?

Вопрос, разумеется, был риторический.

На сцену буквально вломилась Эмилия и стала уверять Отелло в невинности Дездемоны. Тот не поддавался, а что ему еще оставалось — жену-то задушил уже.

— Вот, — снова зашептал лысый, — эта уж точно молодая. Ишь, как по сцене бегают! У меня глаз верный.

— Да, — прошипела жена, — в молодых девицах ты точно разбираешься, этого у тебя не отнимешь.

Лысый тотчас замолчал и стал думать, сказала это жена просто так, памятуя о его прошлых прегрешениях, либо же ей известно что-то нынешнее. Ох, бабы эти...

Все, что происходило дальше на сцене, его интересовало мало. Дездемона, как и положено мертвой, неподвижно лежала на кровати, появились еще какие-то люди в пышных костюмах и опять-таки в масках. Яго разоблачили и увели на казнь, закованного в цепи. Кассио, раненный в ногу, внезапно перестал хромать и обрадовался, что его оставляют на Кипре вместо Отелло.

Отелло продекламировал свой последний монолог, закололся и упал рядом с Дездемоной. Кассио и Лодовико произнесли финальные реплики, и занавес опустился.

Зрители зааплодировали: кто — искренне восхищаясь спектаклем, кто — под влиянием общего воодушевления, то есть просто заодно с соседями, кто — чтобы не показаться профаном.

Лысый толстяк аплодировал с облегчением. Спектакль, слава богу, закончился, можно ехать домой и там расслабиться на диване с бокалом коньяка. И есть хочется, потому что буфет в этом театре оставляет желать лучшего. Откровенно говоря, дрянь буфет, бутерброды и то быстро кончились.

Занавес снова подняли, и актеры один за другим вышли на поклоны, сняв маски.

Исполнителя роли Яго встретили самыми громкими аплодисментами. Роли злодеев всегда самые выигрышные.

Наконец последним к рампе вышел Отелло. Он оглянулся, ожидая, что рядом с ним появится Дездемона и они вместе примут свою законную порцию зрительских восторгов, но Дездемона по-прежнему лежала на постели.

— Переигрывает! — прошипела помощник режиссера Гиацинтова, которая стояла за кулисами.

— Или вообще заснула! — подхватила костюмерша Надежда Константиновна. — Коньячку перебрала в последнем антракте, да и расслабилась на кровати.

Гиацинтова вздохнула. Все в театре знали, что после того, как Коготкову бросил любовник, она стала пить. И вот что с ней делать? Неужели и правда заснула? Если так, то придется ставить вопрос перед Главным, чтобы Коготкову заменили. Не ждать же, когда она на сцене упадет, сраму-то будет..

Жалко все-таки Аньку, когда-то была хорошая актриса. Да вот не выдержала, сломалась из-за подлого любовника. Какие же все-таки мужики сволочи!

— Лиза! Тверская! — окликнула Гиацинтова исполнительницу роли Эмилии. — Толкни Коготкову! Что она тут покойницу изображает? Спектакль кончился!

Лиза, обернувшись на зрительный зал, бочком подобралась к ложу и вполголоса окликнула неподвижно лежащую Дездемону:

— Аня, спектакль окончен! Вставай, выходи на поклонь!

Дездемона не шелохнулась.

— Да что с тобой? — Тверская склонилась над Дездемоной и вдруг испуганно вскрикнула.

— Что происходит? — Гиацинтова вышла из-за кулис, не обращая внимания на зрителей.

— Она... она, кажется, и правда умерла! — дрожащим голосом пробормотала Лиза.

— Да что ты несешь? — возмущенно выкрикнула Гиацинтова. — Сама, что ли, выпила?

— Она как-то странно лежит... не шевелится...

— Занавес! — опомнилась Гиацинтова, и только когда занавес опустился, отделив сцену от все еще

аплодирующих зрителей, подбежала к ложу Дездемоны. — Что с ней такое, сознание потеряла? — спросила озабоченно.

Все занятые в спектакле актеры столпились вокруг ложа и растерянно взирали на неподвижное тело. Потом так же единодушно все головы повернулись к помощнице режиссера — как всегда, от нее ожидали решительных действий.

Гиацинтова протянула руку и взяла Дездемону за запястье. Пульса не было.

— Кажется, она и правда умерла.

— Надо же, как вошла в роль! — подал голос театральным остряком Радунский.

Все остальные посмотрели на него с осуждением — в такие моменты шутки недопустимы.

— А что я сказал? — фыркнул Радунский.

— Бедная Аня! — всхлипнула костюмерша, хотя все знали, что она Коготкову терпеть не могла, вечно они скандалили из-за костюмов.

— Там кровь, — пролепетала перепуганная Тверская, показав на платье примы.

— Это бутафория! Краска! — авторитетно проговорила Гиацинтова. — Когда Отелло закаляется, он разбрызгивает вокруг красную краску, для ощущения подлинности... Ты что, забыла, что ли?

Затем она повернулась к Кириллу Седову, исполнителю роли Отелло, и строго проговорила:

— Кирилл Леонидович, вы что, так вошли в роль, что всерьез ее задушили?

— Валерия! — воскликнул Седов с поистине театральным темпераментом. — Что вы та-

кое говорите? Я сколько лет на сцене! Сколько я Деэдемон передушил! А сколько раз мы эту сцену репетировали! Что я, по-вашему, не знаю, как это положено делать? Да я ее почти и не касался! Знаю я эту Коготкову — ее чуть сильнее прижмешь, она потом такой скандал устроит — мама не горюй! Видите ли, у нее синяки и так далее, кожа слишком нежная, да дубленая у нее кожа... ой...

— И, между прочим, вовсе это не бутафория! — подал голос театральный пожарный дядя Костя, который под шумок незаметно протиснулся к ложу с покойницей.

— Что? — Гиацинтова так уставилась на него, как будто внезапно заговорил предмет интерьера. — Что вы такое говорите, Константин Сергеевич?

— Я говорю, что кровь не бутафорская, а самая настоящая!

— С чего вы взяли?

— А вы принюхайтесь! — Дядя Костя повел большим носом. — Самой настоящей кровью пахнет! У меня в позапрошлом году соседей зарезали, и полиция меня понятым пригласила. Кровищи было — ужас! И запах был ровно такой же, как сейчас.

— Ой, мамочка! — пискнула костюмерша.

— Он прав, — поддержал пожарного Седов. — Я свою кровь не здесь пролил, а ниже... вот она, на полу и на самом краю ложа. Она даже по цвету отличается!

— Вот только не надо этих панических настроений! — строго проговорила Гиацинтова и тоже принялась.

— Так что она не задушена вовсе. Зарезана она! — припечатал дядя Костя, неожиданно оказавшийся в центре всеобщего внимания и очень этим довольный. — Вот же, и рана имеется... — Он показал на грудь несчастной Дездемоны.

— Не трогайте ее! — воскликнула Гиацинтова. — Вообще ничего нельзя трогать до того, как придет полиция!

— А Аня точно умерла? — пролепетала костюмерша, протиснувшись к самому ложу. — Может быть, ее еще можно спасти? Может быть, ей еще можно помочь? «Скорую» вызвать...

И она сняла с Дездемоны маску.

— Я же вам человеческим языком сказала — ничего не трогать! — рявкнула Гиацинтова.

Костюмерша ахнула и уронила маску на пол.

И тут все отшатнулись от неподвижного тела.

— Кто это?

— Это не Аня!

— Она вообще не из нашего театра!

Как выяснилось, никто из присутствующих не узнал мертвую женщину.

— А тогда где Коготкова? — поставила Гиацинтова вопрос ребром и оглядела присутствующих. — Если это не Анна, то куда она подевалась? Кто ее видел последним?

— Радунский! — неожиданно заявила театральная костюмерша и направила осуждающий

перст на театрального острослова. — Я видела, как он разговаривал с ней во время последнего антракта! И за локоток придерживал!

Все повернулись к Радунскому.

— А что я? — забормотал тот, мгновенно утратив свое остроумие. — Ну да, я с ней разговаривал... а потом мы еще выпили кофе в актерском буфете...

— Вы еще и коньячку пятьдесят грамм тяпнули! — подала голос буфетчица Люся, появившаяся на сцене. Она всегда оказывалась там, где происходило что-то интересное.

— Ну тяпнул! Ну коньячку! — повысил голос Радунский. — Так сама же ты сказала — всего пятьдесят грамм! И что с того? Мне это нужно для куража! Для вдохновения!

— Валентин Михайлович, мы сейчас не вас обсуждаем, — перебила его Гиацинтова, — мы сейчас выясняем, кто последним видел Анну. И если это были вы...

— При чем тут я? Ну да, я с ней выпил... кофе, так вот Люся видела, что она была жива и здорова, а потом я проводил Аню до дверей ее гримерки — и все!

— Так кто же это такая? — раздался в задних рядах незнакомый голос. — Никто из вас не знает эту женщину?

В этом голосе было что-то, что заставило всех присутствующих обернуться. Голос принадлежал худой, излишне ярко накрашенной загорелой брюнетке неопределенного возраста.

— А вы кто такая? — строго осведомилась Гиацинтова. — Что вы здесь делаете? Как вы сюда попали? Кто вас пропустил? Сюда посторонним нельзя!

— Даже сотрудникам полиции? — произнесла брюнетка тем самым голосом, который заставлял всех замолчать и прислушаться. Было в этом голосе что-то такое, вызывающее почтение.

— Вы из полиции? — переспросила Гиацинтова. — Как быстро вы успели! И кто вас вызвал? А документы у вас есть?

— Разумеется! — Женщина протянула Гиацинтовой раскрытое удостоверение.

— Майор Акулова... — прочитала Гиацинтова.

— Говорящая фамилия! — не удержался Радунский. К счастью, на него никто не обратил внимания.

— А так быстро я появилась, — продолжила брюнетка, — потому что была на спектакле.

— Надо же, полицейские тоже в театр ходят! — прокомментировал ее слова Радунский.

На этот раз Акулова бросила на него быстрый многообещающий взгляд и продолжила:

— У меня глаз наметан, сразу поняла, что на сцене что-то случилось. Занавес опустили, на поклон не вышли, дымом не пахнет — стало быть, не пожар. Пошла я за кулисы, никто меня не остановил.

— Это удачно... — уже произнесла эти слова, Гиацинтова осознала, насколько они неуместны.

Акулова не отреагировала на ее слова.

— Значит, эта женщина не из вашей труппы? — осведомилась она, оглядев убитую.

— Да, не из нашей... мы ее вообще первый раз видим. Понятия не имеем, кто она.

— Странно, очень странно... более чем странно... незнакомых людей обычно не убивают.

— Вы хотите сказать... — начала Гиацинтова, но брюнетка не дала ей договорить.

— Я хочу сказать, что тот, кто ее убил, не знал, кто скрывается под маской. Он — или она — думал, что это Анна Коготкова. Значит, у него должен быть какой-то мотив.

Брюнетка окинула всех присутствующих пронзительным, рентгеновским взглядом и выдернула этим взглядом из настороженной актерской толпы Кирилла Седова.

— Вот вы. Вы находились на сцене рядом с убитой.

— Такая уж у меня роль! — не удержался актер от реплики.

— Какая у вас роль, мы выясним. Но пока мне ясно, что у вас были все возможности совершить это убийство. Вы находились рядом, и у вас было подходящее оружие.

— Что? Вы об этом? — Седов вытащил из ножен кинжал.

— Да, именно об этом!

— Да этим кинжалом никого не убьешь! — Актер взмахнул кинжалом и внезапно по самую рукоятку вонзил его в свою грудь. Лицо его побледнело, он зашатался.

— Прекратить! — испуганно вскрикнула брюнетка. — Остановите его, кто-нибудь!

Актеры не реагировали на ее слова. Они смотрели на шатающегося Седова — кто насмешливо, кто равнодушно.

— Кирилл, кончай идиотничать! — протянул Радунский.

Майор Акулова подскочила к актеру, она хотела вырвать кинжал, но Седов опередил ее, он отвел руку с оружием от груди — и женщина увидела, что складное лезвие полностью ушло в рукоятку.

— Вы видите? — проговорил Седов, выпрямившись и порозовев. — Чистой воды бутафория! Этим кинжалом никого не убьешь! Да и потом, зачем мне убивать Анну?

— Ну, это мы со временем выясним... — Акулова закашлялась, смущенная тем, что повелась на примитивный розыгрыш, и снова оглядела трупку. — Ладно, допустим, этот кинжал — бутафорский... но кто-то мог его подменить. И на сцене в последнем действии был не только Отелло. А вот вы... — Майор повернулась к Лизе Тверской: — Какие отношения у вас были с убитой?

— Да я ее первый раз вижу!

— Ах да... я хотела сказать, какие отношения были у вас с Анной Коготковой?

— Да никаких... — Лиза пожала плечами. — То есть нормальные отношения... как у всех в труппе.

— Как у всех? — Брюнетка повернулась к Гиацинтовой: — А вот если бы Коготкову действи-

тельно убили, кому бы в этом случае досталась роль Дездемоны?

— Ну... это еще неизвестно... — помощница режиссера замялась. — Это решать Главному...

— Неизвестно? — Брюнетка жестом циркового фокусника выхватила из сумочки сложенную вдвое программу и ткнула в нее пальцем: — А вот здесь написано: в роли Дездемоны Анна Коготкова или Елизавета Тверская!

— Ну да... у нас каждый артист должен готовить минимум две роли, чтобы заменить основного исполнителя в случае необходимости... в случае форс-мажора.

— Значит, первый претендент на роль Дездемоны — это вы! — Майор ткнула в сторону Лизы пальцем с кроваво-красным маникюром. Лизе показалось, что руки полицейской измазаны кровью. Кровью убитой женщины.

— И что из этого следует? — проговорила она растерянно, оглядываясь в поисках поддержки.

— Знаю я ваши театральные нравы! — повысила голос Акулова. — Вы за главную роль готовы убить!

— Но не в буквальном же смысле! — запротестовала Лиза.

— А вот это еще нужно проверить! — перебила ее полицейская. — Во всяком случае, у вас был мотив и была возможность! А тот, у кого есть мотив и возможность, это и есть подозреваемый!

— Так что, вы меня арестуете?

— Пока — нет, — с явным сожалением проговорила брюнетка. — Но я попрошу вас никуда не